

Решимость Дракона

Послеполуденное солнце лениво золотило сад, окутывая всё вокруг сонной негой. Вчерашний ливень оставил лишь едва заметный след на листве, и хотя октябрьский воздух уже дышал прохладой, настоящий холод ещё не вступил в свои права.

Восьмилетний Драко Малfoy, наследник древнего рода, сидел на балконе своей спальни. Он оглядывал умытый дождём сад, но мысли были бесконечно далеко — они кружили вокруг пары изумрудных глаз, чей блеск манил его сильнее, чем самое чистое небо.

— Шрамоголовый... Ты тоже вернулся? Или всё ещё распиваешь чай с Мерлином? — едва слышно прошептал он, и тихо вздохнул.

Драко был готов признать: он безнадежно отравлен. Ядом, у которого был вкус полыни и цвет зелёных глаз. Это наваждение преследовало его в каждом сне, заставляя вновь и вновь видеть ту самую улыбку.

Видит Мерлин, с тех пор как война разгорелась в полную силу, заставить этого «псевдо-льва» Гарри Поттера улыбнуться было задачей почти невыполнимой. Он сохранял непостижимое спокойствие — обманчивая тишь океана перед сокрушительным штормом. Лишь тогда окружающие осознали: Поттер никогда не был настоящим гриффиндорцем.

Драко помнил тот день, когда Золотой мальчик впервые явил миру свою истинную натуру. Гермиона Грейнджер, всегда такая рассудительная и холодная, вскинула палочку, требуя ответа, где настоящий Гарри. Рыжий Уизли застыл, не в силах вымолвить ни слова, а вечно робкий Невилл бросился к профессору Снейпу — человеку, которого боялся больше всего на свете, — чтобы узнать, не опоил ли тот героя каким-нибудь зельем.

Сам же Драко, глядя на тишину, застывшую в центре этого хаоса, вдруг понял: он никогда не знал Гарри Поттера. Окончательно почву из-под ног у всех выбила короткая фраза, брошенная Спасителем среди общего безумия:

«Вообще-то, Распределяющая шляпа до последнего прочила мне Слизерин, утверждая, что именно там я добьюсь истинного величия».

После этого толпа и вовсе обезумела.

Пока остальные пытались прийти в себя, Драко подошёл к Гарри и спросил, не была ли эта выходка просто злой шуткой, чтобы разрядить обстановку. Но Поттер лишь слабо улыбнулся, глядя в небо, и ответил, что никто не знает, каков он на самом деле. Для всех он — лишь глупый и порывистый гриффиндорский лев. Драко отчетливо запомнил тень иронии в его

взгляде и неприкрытое, глубокое одиночество.

Позже этот «лев», обнаживший змеиные клыки, стал истинным лидером Ордена Феникса. Он не просто спасал людей от преследований Волдеморта — он собирал их под своим знаменем. Даже слизеринцы, аристократы до мозга костей, один за другим переходили на его сторону. До самого падения Тёмного Лорда Гарри стоял на передовой, сохранив это пугающее спокойствие. Мальчишка, когда-то сиявший на поле для квиддича, на глазах превратился в вождя, чей авторитет затмил даже славу Дамблдора.

Но Драко, вопреки всему, помнил их первую встречу в одиннадцать лет. Себя — на подставке в магазине мадам Малкин, и Гарри — в дверном проёме, залитый светом. Его вечно всклокоченные волосы отливали золотом, а изумрудные глаза за уродливыми стёклами очков сияли чистотой весеннего озера. Тогда он замер на пороге, застенчивый и невинный, словно заплутавший в мире смертных эльф.

Потому-то Драко и повёл себя как последний дурак — болтал без умолку, пытаясь любой ценой привлечь внимание этого мальчишки. Если бы он тогда не был так глуп... Заметил бы он, как остро Гарри реагирует на его высокомерный тон? Понял бы, что его худоба и обноски — явные знаки того, что Малфои с их аристократическим снобизмом вызовут у него лишь отторжение? Если бы та встреча не закончилась побегом Гарри к Хагриду, пожал бы он протянутую руку в «Хогвартс-экспрессе»?

Драко вспомнил их разговор в засаде, незадолго до финальной битвы. На вопрос, почему тот тогда отказал ему в дружбе, Гарри на миг изменился в лице. Поттер долго молчал, и он на миг выдал вспышку былой боли, но предложил поговорить об этом после боя.

А потом Гарри привёл его на Тисовую улицу. Они сидели в запущенном садике перед тёмным, безжизненным домом, и Спаситель медленно, слово за словом, открывал ему правду о своём детстве. Драко и раньше слышал от отца и крестного, что Дамблдор — старый сумасшедший, но лишь узнав, как Гарри провёл те десять лет, он понял: старик выжил из ума окончательно.

Кто бы мог подумать, что сказки о принце, живущем в неге и достатке, были наглым враньём? Жизнь, которая была хуже, чем у домашнего эльфа... Даже Уизли со своим поношенным барахлом могли считаться королями на его фоне. И что самое горькое — Гарри сразу разглядел в Драко того самого «поросенка-кузена», который изводил его годами. Кровное родство, высокомерие и отношение к Хагриду поставили между ними знак равенства.

Драко не знал, смеяться ему или плакать. Возможно, в этом и заключался план Дамблдора? Слизеринец никогда бы не позволил себе отказаться от изящных манер, а гриффиндорцы брали прямоотой — и забитый, нуждающийся в тепле ребёнок закономерно бросился в объятия «львов».

Тогда Гарри посмотрел на него так странно — в его взгляде смешались печаль и горькая ностальгия. Он отвернулся и тихо произнёс:

— Драко, я знаю, о чём ты думаешь: «Проклятый Шрамоголовый, как ты посмел сравнить платинового аристократа с жирным маглом? Твой мозг окончательно превратился в слизь». Но на самом деле я всегда завидовал Дадли. Пусть он был туп и ленив, у него были родители, которые его обожали. У него был дом. И он мог сам решать, как ему жить.

Это был первый и последний раз, когда Гарри позволил себе быть слабым. Драко грела мысль, что только он видел Поттера таким — беззащитным, открывшим тайну своего самого сокровенного и ничтожного желания. Спаситель мира мечтал лишь о семье и крове, но эта мечта была запрятана на самое дно его израненной души.

Горечь воспоминаний внезапно стала невыносимой, заставив Драко вздрогнуть от холода, несмотря на мягкий свет солнца. Он помнил всё. Каждую деталь той жизни, каждый отблеск этих глаз. Смерть не смогла стереть это из его памяти. Видимо, он, как и его крестный, стал пленником изумрудного взгляда задолго до того, как осознал это. Крестный ушёл с именем Лили на устах, а Драко осознал свою потерю лишь тогда, когда стало слишком поздно.

Но Слизерин не признаёт сослагательного наклонения. Раз цель выбрана — отступить нельзя. Тем более если ты носишь фамилию Малфой.

В этот раз изумруды не померкнут от отчаяния. Гарри не придётся сражаться в одиночку, и он никогда больше не уйдёт во тьму один.

Драко открыл глаза. Он смотрел со стальной решимостью, и его глаза были серыми, как штормовое небо.

— Гарри Поттер, твоя судьба — быть только рядом со мной. Вернулся ли ты прежним или я встречу тебя заново — мне всё равно. Я не выпущу тебя из виду. И горе тому, кто посмеет тебе угрожать... будь то Волдеморт или Дамблдор. Они познают ярость Тяньлуна.

<http://bllate.org/book/17565/1700209>